

Вестник Евразийской науки / The Eurasian Scientific Journal <https://esj.today>

2020, №2, Том 12 / 2020, No 2, Vol 12 <https://esj.today/issue-2-2020.html>

URL статьи: <https://esj.today/PDF/88ECVN220.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Хлопов О.А. Геоэкономика как аналитический подход в исследовании современных глобальных тенденций // Вестник Евразийской науки, 2020 №2, <https://esj.today/PDF/88ECVN220.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Khlopov O.A. (2020). Geoeconomics as an analytical approach in the study of modern global trends. *The Eurasian Scientific Journal*, [online] 2(12). Available at: <https://esj.today/PDF/88ECVN220.pdf> (in Russian)

УДК 330.08

ГРНТ 06.03.07

Хлопов Олег Анатольевич

ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», Москва, Россия
Доцент факультета «Международных отношений и зарубежного регионоведения»

Кандидат политических наук, доцент

E-mail: rggu2007@rambler.ru

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=890240

Геоэкономика как аналитический подход в исследовании современных глобальных тенденций

Аннотация. Статья посвящена анализу содержания понятия «геоэкономика», которое часто используется при исследовании мировой экономики и международных отношений. Автор прослеживает эволюцию геоэкономики как научного подхода с периода окончания "холодной войны", до настоящего времени, раскрывает и оценивает современные исследования, основанные на традиции, установленной авторитетным исследователем Эдвардом Лютваком, который ввел термин «геоэкономика» в начале 1990-х гг.

Автором представлены различные подходы к геоэкономике, суммируются линии расхождений в оценках ключевых проблем анализа глобального развития с точки зрения геоэкономики. Автором представлены основные направления современных исследований геоэкономики, которые исходят из того, что экономика стала важным элементом силовой политики, а геоэкономика является одновременно стратегией внешней политики и аналитической основой.

В качестве аналитической основы геоэкономика опирается на школу политического реализма, где геоэкономика имеет дело с экономическими основами силы и мощи, которые имеют четкое географическое измерение. Тем не менее, она выходит за рамки реализма, поскольку сфокусирована на географических особенностях, присущих внешней политике и международным отношениям. С точки зрения конструктивистского подхода геоэкономика понимается как дискурс, нацеленный на стратегическую продажу места или пространства в глобализированной экономике, а сами дискурсы создают экономические места и пространства, обычно в соответствии с неолиберальными идеями.

В статье отмечается, что, несмотря на разнообразные определения, геоэкономический анализ дополняет основные теории и концепции в области исследования международных отношений и геоэкономике следует понимать как внешнеполитическую стратегию и аналитическую основу, ориентируемую на государства как ключевых акторов международных отношений и глобальной экономики.

Ключевые слова: геэкономика; геополитика; государство; взаимозависимость; мировая экономика; внешняя политика

За последние годы геэкономика стала очень актуальной для внешнеполитических практик и стратегий национальной безопасности, привлекает все большее внимание ученых. Как показывает обзор литературы, в научном сообществе отсутствует распространенное определение геэкономике. Ученые, которые используют этот термин, обычно не в состоянии установить границы между геэкономикой и геополитикой. Большинство ученых редко объясняют, что означает «гео» в геэкономике и что отличает геэкономику от международной политической экономии (МПЭ).

Автор исходит из того, что геэкономика является одновременно стратегией внешней политики и аналитической основой. Как внешнеполитическая стратегия, она относится к применению государствами экономических средств для достижения стратегических целей. В качестве аналитической основы геэкономика опирается на школу политического реализма. Тем не менее, она выходит за рамки реализма, поскольку сфокусирована на географических особенностях, присущих внешней политике и международным отношениям. Это означает, что геэкономика имеет дело с экономическими основами силы и мощи, которые имеют четкое географическое измерение: некоторые страны обладают ресурсами, которые необходимы другим, и эти ресурсы транспортируются, по стратегически важным «географическим» коридорам. С другой стороны, геэкономика указывает на то, как применяются экономические инструменты с целью контроля и управления определенными географическими зонами, которые могут являться сферой влияния регионального или глобального гегемона.

В статье раскрывается понятие «геэкономика», которое часто используется при анализе современных тенденций мировой экономики и международных отношений, выявляется эволюция геэкономике как научного подхода и представлены современные исследования, указывающие на различные подходы к геэкономике, которые существуют в академической литературе. На основе, сравнительного анализа и системного подхода, а также традиций Эдварда Лютвака, который ввел термин «геэкономика» в начале 1990-х гг., автор делает вывод, что, несмотря на разнообразные определения, геэкономический анализ дополняет основные теории и концепции в области исследования международных экономических и политических отношений.

Большой вклад в разработку геэкономических традиций внесли зарубежные авторы, такие как Э. Лютвак, А. Вихма, М. Вигель, Дж. Старте, Р. Блэквил, Дж Харрис, У. Мид, С. Шолвин, М. Аалтола. Среди значимых работ по геэкономике следует выделить исследования отечественных ученых В.А. Дергачев «Геэкономика» (2002), Э.Г. Кочетов «Геэкономик. Освоение мирового экономического пространства» (1999), А. Неклесса «Геэкономика», монографию российских политологов «Геэкономическая формула мироустройства: Россия в новом универсуме» (2009).

Появление геэкономике в начале 1990-х гг.

Термин геэкономике появился в начале 1990-х гг., в период завершения «холодной войны», внутренних реформ в Советском Союзе, интенсивных дебатов о будущем международной системы. Фрэнсис Фукуяма объявил, что «история подошла к концу», имея в виду, что больше не стало достойной альтернативы западной гегемонии, демократии и либерализму. Система западно-либеральных ценностей под руководством США одержала победу [1]. Не все согласились с этой оценкой. Влиятельные политологи, такие как

Сэмюэль Хантингтон и Роберт Каплан, предположили, что в мире после «холодной войны» будет доминировать тенденция к усилению конфликтов [2; 3].

Еще одним ученым, критически настроенным по отношению к либеральному оптимизму, является американско-британский политолог Эдвард Лютвак, который ввел термин «геоэкономика» в статье, опубликованной в американском журнале «The National Interest» в 1990 г. [4]. Три года спустя он расширил свои идеи в книге «Угроза американской мечте» [5].

Согласно оценке Э. Лютвака, международные отношения после «холодной войны» будут оставаться обусловленными соперничеством между государствами, но предпочтительными средствами достижения целей будут экономические, а не военные. По мнению Лютвака, национальная власть в эпоху геоэкономики проистекает из «располагаемого капитала вместо огневой мощи, гражданских инноваций вместо военно-технического прогресса и проникновения на рынок вместо создания гарнизонов и баз» [4].

Э. Лютвак понимал государства как территориально связанные субъекты, стремящиеся максимизировать экономические выгоды внутри страны, а не в глобальном масштабе или, по его собственным словам, «по своей природе склонные стремиться к относительному преимуществу» по отношению к другим. Следовательно, международные отношения будут развиваться в «логике конфликта с методами торговли».

Примерно, таким же образом С. Хантингтон заметил, что «в мире, в котором военный конфликт между крупными государствами маловероятен, экономическая сила будет играть все более важную роль в определении первенства или подчинения государств» [6].

По мнению С. Хантингтона, международная экономика была и есть игра с нулевой суммой, государства стремятся к глобальному доминированию и расширению влияния своих компаний и предприятий. Они поддерживают определенные отрасли экономики, наращивают потенциал и мощности для внутреннего и экспортного рынков, уделяя особое внимание сегментам создания цепочки производств с высокой добавленной стоимостью. Эта стратегия иногда даже включает в себя инвестирование с убытками ради окончательного доминирования на отраслевом рынке. Вмешательство на валютных рынках с целью создания валютных резервов и ограничения импорта являются дополнительными ключевыми средствами для усиления национальной экономической мощи. Все эти меры, очевидно, наносят ущерб другим странам.

В течение 1990-х гг. идеи Э. Лютвака не пользовались популярностью. Взгляды реализма и его постулаты, присущие геоэкономике, не оказались полезными для понимания новой либеральной эры, в которой экономическая интеграция и сотрудничество, а не конфликты, стали доминирующими чертами внешней политики и международных отношений. Либерализм был более привлекательным, чем политический реализм, включая любое применение или уточнение концепции геоэкономике. Однако по мере того, как в 1990-х и, тем более, в 2000-х гг., в глобальном масштабе быстро росла экономическая взаимозависимость, возникли проблемы и риски, многие из которых являются геоэкономическими или, по крайней мере, требуют геоэкономических реакций. Оказалось, что взаимозависимость асимметрична, что означает, что она влечет использование власти, силы и мощи (power) в переговорных процессах. При этом стали появляться риски, которые в результате взаимозависимости, приводят к сбоям в глобальных цепочках поставок и незаконным торговым потокам товаров и, что более важно, к использованию асимметричной уязвимости в качестве стратегического рычага.

Например, политологи А. Вихма и М. Вигелл утверждают, что Россия использовала свои энергетические ресурсы для продвижения своих политических интересов, обеспечивая дешевый природный газ правительствам в бывших советских республиках и внося раскол в Европейский Союз, предлагая государствам-членам ЕС различные цены на газ [7].

Конечно, существуют альтернативные объяснения колебаний цен, такие как скидки на крупные покупки, различные затраты на транспортировку товара потребителям и, по-видимому, неравные условия для компаний при ведении переговоров. Но что более важно, так это то, что исследования Вихмы и Вигелла иллюстрируют значительную политическую силу, которая принадлежит экономике в современном взаимозависимом мире. Их исследования показывают, что использование экономической мощи может быть не менее эффективным, чем использование военной силы, т. к. она предоставляет более тонкие средства для достижения стратегических целей с меньшим риском в условиях серьезных противодействий, которые могут оказаться дорогостоящими в ситуации взаимозависимости.

Миграция также стала геэкономическим средством, например, политика Турцией по отношению к Европейскому союзу. Турция является важной транзитной страной для мигрантов, направляющихся в страны ЕС и Великобританию. Турецкое правительство увязывает свое сотрудничество с ЕС – прекращения этой миграции со своей стороны с требованиями снятия визовых ограничений для граждан Турции, направляющихся в страны Шенгенской зоны, а также с активным участие Турции в делах Европейского союза.

Джуан Зарате, который был членом Совета национальной безопасности во время президентства Джорджа Буша-младшего в своей книге «Война казначейства» говорит о значимости и актуальности финансовой мощи. Деньги, согласно, Дж. Зарате, являются «жизненной силой» для террористических организаций и мошеннических режимов. Лишая их денег или, по крайней мере, их способность переводить деньги в глобальном масштабе, ограничивает деятельность террористов, а изоляция врагов от международной финансовой системы равняется получению рычага воздействия на них [8].

Вероятно, наиболее показательным примером в этом отношении является решение SWIFT (Общества всемирных межбанковских финансовых телекоммуникаций), базирующегося в Бельгии, не направлять сообщения ни одному иранцу, банку или частному лицу, которые находятся в «черном списке» Европейского Союза. Запрет распространялся на около 30 иранских банков, через которые Иран осуществлял экспорт и импорт товаров и продажу своей нефти. Кроме того, растущие державы, прежде всего Китай, стали искусными геэкономическими игроками. Их государственная капиталистическая экономика в лице государственных банков и государственных предприятия наделяет их геэкономическими средствами, которых нет у большинства ведущих западных стран.

Китай использовал эти средства для создания асимметричных инвестиционных и торговых отношений с рядом государств, которые он теперь может использовать в качестве политического рычага. Его иностранная помощь гарантирует влияние в странах с различными политическими режимами, так же как и возможность интернационализации юаня [9]. Другие развивающиеся державы, в частности Бразилия и Южная Африка, также полагаются на экономические средства, чтобы контролировать свои субконтинентальные сферы влияния.

До конфронтации с Россией основные европейские державы и США преследовали свои цели в Афганистане, Ираке и Ливии военными средствами. Вмешательство Запада в гражданскую войну в Сирии и поддержка сил, которые борются с так называемым Исламским государством (запрещенным в России), в значительной степени зависят от военной мощи. Учитывая эти факты и события, некоторые ученые говорят о возвращении к тому, что государства, преследующие свои внешнеполитические цели, будут по-прежнему применять военные средства [10].

Часто геэкономика и геополитика пересекаются, как это демонстрируют западные санкции, введенные в отношении России, которые дополняют возросшее военное присутствие Соединенных Штатов и их европейских партнеров вблизи границ России. Другими словами, конкуренция вновь становится доминирующим фактором международных отношений, и

неясно в каком случае и какие средства будут использовать государства на международной арене экономические, военные или их сочетание для достижения своих целей.

Многие из исследований, отражают эту неопределенность, рассматривая геоэкономику как ключевую внешнеполитическую стратегию, которая не обязательно исключает военную мощь.

Традиционная геоэкономика

После окончания «холодной войны» многие исследователи геоэкономических явления, опираясь на основополагающую статью Э. Лютвака, определили геоэкономику как стратегии территориального контроля, которые экономически мотивированы и осуществляются экономическими средствами, в первую очередь инвестициями и торговлей. В начале 1990-х гг. они утверждали, что Соединенным Штатам следует сконцентрироваться на расширение сотрудничества в Африке, Латинской Америке Океании и Сибири [11].

Современные исследования также уделяют внимание тому, что экономика стала важным элементом силовой политики. Китайский исследователь Дж. Сюнь понимает геоэкономику как переход от военных вопросов к проблемам экономической безопасности, особенно в том, что касается новой роли Китая в глобальной политике [12].

Политологи М. Мэтлин и М. Вигелл предполагают, что геоэкономические стратегии типичны для незападных держав – Бразилии, Китая и Индии – потому что они полагаются на невоенные средства в их мягком балансе сил по отношению к Соединенным Штатам [13].

Другие исследователи рассматривают в связке геоэкономику и геополитику, последняя понимается как преследование стратегических целей военными средствами, как частично совпадающие стратегии. Дэвид Скотт в исследовании о характере конкуренции между Китаем и Индией, отмечает, что контроль над морскими коммуникациями имеет важное значение для геоэкономики и геополитики, как и доступ к жизненно важным ресурсам [14].

Анализируя накопление капитала и быстрое экономическое развитие Китая, Гросс утверждает, что растущие экономические основы позволяют КНР изменять структуры глобальной экономики в соответствии со своими предпочтениями. Принимая во внимание, что ряд исследователей предпочитают различать геоэкономику и геополитику, Гросс предлагает объединить геоэкономику с экономическими и геополитическими целями и подразумевает, что существуют гибридные стратегии проецирования экономической и военной мощи [15].

Таким образом, можно сделать вывод, что геоэкономика не заменила военные средства при реализации политики государства. Экономические и военные инструменты сосуществуют и используются государствами в зависимости от того, какие конкретные задачи они решают. Поэтому можно согласиться с точкой зрения Блэквилл и Харрис, обоснованной в книге «Война иными средствами» (2016), что «для современных геоэкономических акторов геоэкономические и военные аспекты государственного управления, как правило, усиливают друг друга» [9].

Альтернативные подходы к геоэкономике

Среди многочисленных статей и книг, которые носят ярлык геоэкономики, есть те, которые иначе трактуют содержание геоэкономики. Так, Капюля и Миккола объясняют, что географические условия побуждают государства к сотрудничеству в Арктике, потому что открытая конфронтация несет риски экономическими целями каждого государства. Как резюмировал Шольвин, концепция геоэкономики – географических условий, формирующих экономические результаты – равняется пониманию геополитики, исторически сложившейся у

географов, которые думали о геополитике как о политических результатах, сформированных географическими условиями [16].

Еще более далеки от люттваской традиции ученые, которые связывают геоэкономику с появлением новых акторов, имеющих значение для экономической и политической динамики за пределами национальных границ. Бартон, например, утверждает, что, хотя эпоха геополитики была связана с гегемонистскими стремлениями государства и стабильностью в международных отношениях, эпоха геоэкономики характеризуется чрезвычайно гибкими негосударственными субъектами и безграничными транснациональными отношениями [17].

С несколько иной точки зрения другие исследователи обращают внимание на характер территории, как ключевой особенности геоэкономики. Коуэн и Смит предполагают, что взгляд на объединение территорий, экономики и людей под властью национальных государств, являющиеся ключевыми критериями геополитики, в настоящее время пересматривается, главным образом потому, что территориальные границы утратили определяющую роль, которую они обычно играют для экономики и общества.

Эпоха геоэкономики характеризуется тем, что мировое производство становится все более и более сегментированным, сопровождается ростом числа транснациональных предприятий в качестве ключевых акторов. Угрозы безопасности, такие как терроризм, также не связаны с территориальными границами. Определяя геоэкономику через особую логику территории, Коуэн и Смит считают, что геоэкономика имела решающее значение для международных отношений задолго до окончания «холодной войны»: подъем США до статуса глобальной державы в начале XX в. был связан со свободной торговлей, и с «накоплением богатства посредством контроля над рынком» [18].

Другая область исследований характеризуется определением геоэкономики по ее целям, а не по средствам. Колеман и Сайдвей исследуют потоки финансов и торговли, принимая во внимание политические аспекты, стоящие за ними [19].

Для Янга геоэкономика вращается вокруг «использования государственного управления в экономических целях» [20]. О'Хара и Хеффернан понимают геоэкономику, которая исследует значение природных ресурсов в определенном регионе, и политику контроля и использования этих ресурсов [21].

Как указывают Блэквилл и Харрис, определение различных типов силовой политики по их соответствующим целям не является убедительным, однако: если библиотека будет уничтожена крылатыми ракетами, никто не будет говорить о культурной войне, если фабрика будет уничтожена таким же образом, никто бы не назвал это экономической войной. Для классификации актов агрессии важны средства, используемые агрессором [9].

Геоэкономика с точки зрения конструктивизма принципиально отличается от всех предыдущих подходов, упомянутых до сих пор. Некоторые конструктивисты понимают геоэкономику как дискурсы, нацеленные на стратегическую продажу места или пространства в глобализированной экономике. Они анализируют эти дискурсы, утверждая, что сами дискурсы создают экономические места и пространства, обычно в соответствии с неолиберальными идеями [22].

Для конструктивистов геоэкономика не «описание объективных экономических пространственных стратегий, но вместо этого включает в себя субъективный взгляд на мир, в котором эти стратегии рассматриваются как правдоподобные и желательные» [23]. Соответствующий анализ предназначен для деконструкции дискурсов, чтобы выявить субъективную перспективу тех, кто продвигает геоэкономическое мышление и идеологическое содержание их мыслей. Кроме того, они стремятся показать, что есть и другие способы

объяснения поставленных вопросов, способствующие «интерпретации мировых событий, которые противоречат доминирующему правительству и представителям СМИ» [24].

Конструктивистский анализ геэкономике основан на критической геополитике, появившейся в начале 1990-х гг., сторонники которого видят реалистические версии геэкономике и геополитике как «идеологическое упражнение, которое противопоставляет определенные политические организации друг другу с точки зрения географии» [25].

Конструктивистский подход обогатил научные дебаты, показав, что геэкономические требования не должны восприниматься как таковые. Он показал, что геэкономике действует как дискурс, воспроизводя мировоззрение различных политиков и стратегов в области безопасности и как геэкономике, таким образом, укоренилась в государственной практике.

В то же время результаты конструктивистского анализа страдают определенными слабостями. Большинство конструктивистов исходят из того, что исследования в области геэкономической политики являются идеологически мотивированными, то есть подразумевают дезинформацию, которая служит замаскированным интересам.

Конструктивисты также интерпретируют геэкономике как секьюритизирующий дискурс. Концепция секьюритизации, разработанная, в частности, Копенгагенской школой международно-политических исследований, подчеркивает, как риски безопасности часто присваиваются или даже дискурсивно воспринимаются как угрозы для того, чтобы обосновать и узаконить (легитимизировать) чрезвычайные меры.

Например, Джон Моррисси предполагает, что стратегия на Ближнем Востоке вращается вокруг «дискурсивной идентификации и позиционирования Персидского залива как ненадежного, но ключевого геэкономического пространства». Он утверждает, что именно такая постоянная характеристика этого региона как ключевого пространства для эффективного функционирования и регулирования глобальной экономики, узаконивает стратегический аргумент о необходимости военного интервенционизма [26].

С другой стороны, фокусируя свои исследования только на дискурсы, сторонники конструктивистского подхода не придают значения материальным факторам, которые влияют на мировую экономику и международные отношения и находятся вне контроля тех, кто формирует дискурсы. Более того, конструктивисты обычно не говорят о том, что альтернативные интерпретации, которые они выдвигают, с их собственной конструктивистской точки зрения, ни лучше (более правильны), ни хуже (менее правильны), чем дискурсы, которые формируют геэкономисты.

Тем не менее, аналитические подозрения конструктивистов выполняют важную функцию – подчеркивают тот факт, что геэкономике помогает маскировать неолиберальные программы и проекты секьюритизации, поднимают вопрос о том, должны ли такие соображения ограничивать научную повестку дня.

Вклад геэкономике в исследование международных отношений

Геэкономике приобрела значительное место в исследованиях международных отношений и внешней политики. Тем не менее, как показывает краткий анализ научной литературы, существуют различные и порой несовместимые представления о геэкономике. Ключевые линии разлома, можно определить в постановки вопросов и поиска на них ответов.

Геэкономике это аналитическая основа для международных отношений и внешней политики или особая форма, которую приняла международная система, когда территориальная логика геополитики становится все более бессмысленной?

Должна ли геоэкономика заниматься только анализом влияния географических условий на экономику, подобно тому, как географы сделали главный акцент на влиянии географических условий на политику?

Какова связь геоэкономики и военной мощи? Могут ли военные средства быть частью геоэкономической стратегии, или использование военной мощи несовместимо с геоэкономикой?

Являются ли частные предприятия геоэкономическими субъектами и, если да, следует ли рассматривать геоэкономику как особую стратегию, в отличие от геополитических стратегий, проводимых государствами?

Если геоэкономика понимается как аналитический подход, является ли она политически ориентированной версией международной политэкономией или версией политического реализма, или она каким-то образом сужает географическое измерение политики?

Учитывая, что геоэкономика также является дискурсом, то возникает еще один вопрос – должны ли мы принимать во внимание, что геоэкономика, по крайней мере, частично, социально (дискурсивно) построена для того, чтобы узаконить действия, направленные на реализацию замаскированных интересов?

Ответы на эти вопросы, очевидно, затруднены тем, что исследования, основанные на разных определениях геоэкономики, не дают полных выводов и достоверных результатов, чтобы предоставить полную однозначную аргументацию на эти вопросы.

Тем не менее, геоэкономику следует понимать как внешнеполитическую стратегию и аналитическую основу, ориентируемую на государства как ключевых акторов международных отношений и внешней политики. Геоэкономика относится к применению экономических средств власти для достижения стратегических целей государства, т. е. геостратегическое использование экономической мощи.

Очевидно, что со времен окончания «холодной войны» стратегические императивы внешней политики большинства государств во многом изменились. Наш мир больше не является биполярным миром, в котором два блока государств были изолированы друг от друга. Сегодня мир является взаимозависимым и взаимосвязанным, чем когда-либо в истории. Почти все государства зависят от безопасных и устойчивых потоков капитала, товаров и услуг, которые пересекают земной шар. Асимметричные уязвимости и зависимости, унаследованные от прежней международной системы, делают экономическую мощь мощным средством достижения стратегических целей. Это не означает, что геоэкономика фактически затмила силовую политику, основанную на военных действиях, или что она не может ей сопутствовать.

Следовательно, способность использовать экономические рычаги является важным средством силовой политики в современном мире, гораздо больше, чем в прошлом. Как и в случае с геополитикой и военными базами, гео-измерение в геоэкономике означает, что экономические основы национальной мощи и силы должны опираться на географические особенности. В качестве аналитической основы геоэкономика исходит из основ традиций политического реализма, который подчеркивает, как конкуренция за относительную власть (power) влияет на поведение государства.

Но геоэкономика выходит за рамки реалистской парадигмы, поскольку она признает, что географические особенности, характерные для мест и пространств, определяют международные отношения и внешнюю политику, а не только распределение силы, мощи и влияния между государствами. Геоэкономика делает акцент на географические особенности и альтернативное понимание географического измерения, конкретные места или пространства, которые являются целью применения экономической мощи.

Несмотря на то, что геэкономика имеет более узкий круг интересов, будучи ограниченным экономической мощью с географической и стратегической точки зрения, геэкономика как аналитическая основа преодолевает определенные недостатки, которые характерны для основных теорий и школ международных отношений. После «холодной войны» возникла общая вера в то, что по мере того, как мир станет экономически более взаимозависимым, государства откажутся от силовой политики в пользу совместной внешней политики и интеграции, основанной на либеральных нормах мирового порядка. Эти убеждения по-прежнему остаются привлекательными для ряда исследователей.

Однако, за последние годы обнажились существенные ограничения либеральной парадигмы взаимозависимости, происходит одновременный рост взаимозависимости и конфликтов, которые часто ведутся не военными средствами. Сторонники традиций политического реализма, давно утверждают, что взаимозависимость может быть источником конфликтов между государствами, а многие исследования показывают, что экономическая взаимозависимость действительно способствует военному конфликту. Между тем господствующий реализм в области исследования международных отношений страдает от убежденности в том, что военные проблемы всегда будут иметь преимущество перед экономическими соображениями в масштабах стратегических приоритетов.

При этом не учитывается, насколько политика опирается на различные экономические средства, которые можно использовать для достижения стратегических целей. Конструктивизм со своей стороны дает ряд альтернативных идей. Однако он пренебрегает материальными реалиями, которые оказывают влияние на международные отношения и внешнюю политику независимо от дискурсов.

Короче говоря, работы в ортодоксальных традициях конструктивизма, либерализма и реализма не дают удовлетворительной основы для того, что происходит в современных международных отношениях. Конструктивизм игнорирует некоторые из основ государственного управления и межгосударственного соперничества. Либерализм упускает из виду то, как политика силы продолжает разыгрываться и как экономическая власть может использоваться конфронтационным образом для достижения стратегических целей. Реализм преуменьшает тот факт, что экономическая власть часто может быть более важной, чем военная сила.

Таким образом, любое эффективное понимание современных международных отношений требует понимания использования различных экономических инструментов для достижения стратегических целей. С этой целью геэкономика обеспечивает полезную основу для анализа современных глобальных тенденций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fukuyama F. The End of History? // National Interest. 1992. Summer. Pp. 3–18.
2. Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs, 1993. № 3. Pp. 22–49.
3. Kaplan R. The Coming Anarchy: How Scarcity, Crime, Overpopulation, Tribalism, and Disease Are Rapidly Destroying the Social Fabric of Our Planet // Atlantic Monthly, 1994. № 2. Pp. 44–77.
4. Luttwak Ed. From Geopolitics to Geo-Economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce // National Interest, 1990 Summer. Pp.17–23.
5. Luttwak Ed. The Endangered American Dream: How to Stop the United States from Becoming a Third-World Country and How to Win the Geo-Economic Struggle for Industrial Supremacy. New York: Simon & Schuster, 1993.
6. Huntington S. Why International Primacy Matters // International Security. 1993, №. 4 P.72.

7. Vihma A., Wigell M. Unclear and Present Danger: Russia's Geoeconomics and the North Stream II Pipeline // *Global Affairs*, №. 4 2016.
8. Zarate J. Treasury's War: The Unleashing of a New Era of Financial Warfare New York: Public Affairs. 2013.
9. Blackwill R.D., Harris J.M. War by Other Means: Geoeconomics and Statecraft. Cambridge: Harvard University Press. 2016.
10. Mead W.R. The Return of Geopolitics: The Revenge of the Revisionist Powers // *Foreign Affairs* 2014, № 3. Pp. 69–79.
11. Hudson V.M., Ford R.E., Pack D., Giordano E.R. Why the Third World Matters, Why Europe Probably Won't: The Geoeconomics of Circumscribed Engagement // *Journal of Strategic Studies* 1991, № 3, Pp. 255–98.
12. Hsiung J.C. The Age of Geoeconomics, China's Global Role, and Prospects of Cross-Strait Integration // *Journal of Chinese Political Science*. 2009, № 2 (14). Pp. 113–33.
13. Mattlin M, Wigell M. Geoeconomics in the Context of Restive Regional Powers // *Asia Europe Journal*. 2016, vol. 14, № 2.Pp. 125–34.
14. Scott D. The Great Power 'Great Game' between India and China: 'The Logic of Geography' // *Geopolitics* 2008, 13, № 1 (13). Pp. 1–26.
15. Grosse T.G. Geoeconomic Relations between the EU and China: The Lessons from the EU Weapon Embargo and from Galileo // *Geopolitics*, 2014, №. 1 (19) Pp. 40–65.
16. Kämpylä J., Mikkola H. The Promise of the Geoeconomic Arctic: A Critical Arctic // *Asia Europe Journal*. 2016 14, № 2 (14). Pp. 203–20.
17. Barton J.R. 'Flags of Convenience': Geoeconomics and Regulatory Minimisation // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie* 1999, № 2 (90). Pp 142–55.
18. Cowen D., Smith N. After Geopolitics? From the Geopolitical Social to Geoeconomics // *Antipode*, 2009, №.1 (41). P. 42.
19. Coleman M. US Statecraft and the US–Mexico Border as Security/ Economy Nexus // *Political Geography*. 2005, № 2 (14). Pp. 189–205; Sidaway J.D. Asia-Europe-United States: The Geoeconomics of Uncertainty // *Area*. 2005. №.4. Pp. 373–7.
20. Youngs R. Geo-economic Futures, in *Challenges for European Foreign Policy in 2012: What Kind of GeoEconomic Europe?* edited by Ana Martiningui and Richard Youngs. Madrid: Fride. 2011 P. 14.
21. O'Hara S, Heffernan M. From Geo-Strategy to Geo-Economics: The 'Heartland' and British Imperialism before and after Mackinder // *Geopolitics*. 2006 № 1(11). Pp. 54–73.
22. Sparke M. Not a State, But More than a State of Mind: Cascading Cascadias and the Geoeconomics of Cross Border Regionalism, in *Globalization, Regionalization and Cross-Border Regions*, edited by Markus Perkmann and Ngai-Ling Sum. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2002. Pp. 212–38.
23. Domosh M. Geoeconomic Imaginations and Economic Geography in the Early Twentieth Century // *Annals of the Association of American Geographers*. 2013 № 4 (103). P. 945.
24. Flint C. *Introduction to Geopolitics*. London: Routledge. 2006. P. 16.
25. Dalby S. *Creating the Second Cold War: The Discourse of Politics*. London: Pinter. 1990. P. 39.
26. Morrissey Jh. Closing the Neoliberal Gap: Risk and Regulation in the Long War of Securitization // *Antipode*. 2011 № 3. P. 874.

Khlopov Oleg Anatolyevich

Russian state university for the humanities, Moscow, Russia
E-mail: rggu2007@rambler.ru

Goeconomics as an analytical approach in the study of modern global trends

Abstract. The article is devoted to analysis of the concept of "goeconomics" which is frequently used in the study of world economy and international relations. The author traces the evolution of goeconomics as a scientific approach since the end of the cold war to the present time, reveals and assesses the current research, based on tradition that was established authoritative researcher Edward Lutakome, who coined the term "goeconomics" in the early 1990s.

The author presents different approaches to goeconomics, cumulative line of differences in the estimates of the key problems of the analysis of global development from the point of goeconomics. The author presents the main directions of modern studies of goeconomics, which is based on the fact that the economy has become an important element of power politics and goeconomics is both a foreign policy strategy and the analytical framework.

As the analytical foundations of goeconomics is based on the school of political realism, where goeconomics deals with the economic foundations of strength and power, which have a clear geographical dimension. However, it goes beyond realism because it focuses on geographical characteristics inherent in the foreign policy and international relations. From the point of view of constructivist approach goeconomics is understood as the discourse focuses on strategy to sale place or space in a globalized economy, and create economic discourses of place and space, usually in accordance with neoliberal ideas.

The article notes that, despite the variety of definitions and goeconomic analysis complements the basic theories and concepts in the study of international relations, and goeconomics should be understood as foreign policy strategy and analytical framework focused on states as the key actors in international relations and global economy.

Keywords: goeconomics; geopolitics; state; interdependence; world economy; foreign policy